

ПРЕЗИДЕНТ ФАЛЬЕР И СМЕРТНАЯ КАЗНЬ

Президент Фальер стремится к диктатуре и к самодержавию!

Президент Фальер нарушает законы республики!

Президент Фальер поступает вопреки мнению большинства, против воли министров, против требования всей нации!

«Видано ли было когда-нибудь подобнос свосволие?» — восклицает «La Patric».¹

Иногда серьезно спрашиваешь себя: «Да правда ли, что у нас республика?»

В чем же дело? Какая мания власти охватила доброго и любезного Фальера?

Увы! Им действительно совершенно нарушение исконных традиций власти, священных заветов авторитета.

Президент республики объявил забастовку, и хотя он принимает участие в ней единолично, — устои общества потрясены.

Президент республики вступил в союз с апашами, с убийцами, с громилами и явно оказывает им поддержку и покровительство.

Он отказывается подписывать смертные приговоры.

С самого вступления своего в Елисейский дворец он не подписал ни одного.

Конституция Французской республики, рассчитывая на тактичность и скромность своих президентов, оставила им единственную прерогативу трона — право миловать.

До сих пор президенты не злоупотребляли своим правом.

Покойный Сади Карно, осуществивший в себе идеал президента Республики² («La nulle personnifié», как форму-

лировали этот идеал Гонкуры),³ и потому «пантеонизированный», честно подписывал все смертные приговоры и ни разу не запятнал себя неподобающей слабостью.

Фальер же (неслыханный скандал!) за два года не подписал ни одного смертного приговора, «явив себя этим прямым покровителем тех разбойников, которые терроризируют города и пригороды».

Всеобщее возмущение против Фальера так велико, что, если верить Жоржу Берри,⁴ даже сами убийцы, наслаждаясь своей безнаказанностью, издеваются над ним.

В департаменте Авейрон двое бродяг задушили несчастную женщину, предварительно подвергнув ее самым утонченным истязаниям. Несмотря на вполне заслуженный ими смертный приговор, они, разумеется, получили помилование от Фальера. Тогда в присутствии суда они стали бурно выражать свою радость и кричать: «Да здравствует Фальер! Да здравствует добрый президент! Ах, нам вовсе не страшно, что нам отрубят голову. Пока милый дружок на своем месте, он не позволит казнить своих приятелей».

— Вот уж кто вовсе не сторонник вечного отдыха! — прибавил один из злодеев. И оба негодя стали корчиться от смеха.

Негодование на Фальера вполне понятно тем, кто знает методические привычки современного француза, соединенные с его романтическими потребностями.

Добрый француз любит комфорт и привык к своему утреннему завтраку иметь немного свежей человеческой крови, поданной на широком листе утренней газеты.

Несколько хороших убийств с интересными и пикантными подробностями (матерсубийства и изнасилования малолетних — особенно ценятся), несколько женщин, разрезанных на куски, рабочий, умерший от голода на улице (это хорошо возбуждает благородное социальное негодование), хороший бокал витриоля, выплеснутый в лицо сопернице, и апаш, найденный в сточной трубе с перерезанным горлом (*vive l'Amour!**), — вот и все, что необходимо для парижанина

* Да здравствует любовь! (фр.)

вместе с хорошей чашкой *café au lait** для известного нервного подъема и хорошего пищеварения.

Это заменяет роман, и это лучше романа, так как это действительность.

Это настолько же выше романа, насколько синематограф выше трагедии.

Но истинный француз не станет смотреть такой синематограф, не станет читать такой роман, в котором нет морального конца и в котором порок не наказуется по всей строгости современных законов.

Такою моралью в уголовных процессах является смертная казнь.

И вот президент Фальер с безумием, подобающим поэту, а никак не государственному деятелю, противится удовлетворению этих художественных, нравственных и законных требований.

Не то же ли художественно-нравственное чувство народа продиктовало обвинительные приговоры против Флобера за «*Madame Bovary*»,⁵ против Гонкуров за «*Fille Elisa*»,⁶ против Бодлэра за «*Fleurs du Mal*»?⁷

И напрасно газеты, стараясь замять эти бестактности президента и отвлечь внимание публики, подымая все новые и новые дела об убийствах с таинственными подробностями, напоминают, что *Madame Steinheil*, муж которой и мать были так загадочно зарезаны на своей вилле в *Passage Rouslu*, есть та самая дама, в объятиях которой был найден мертвым Феликс Фор,⁸ и что ей должны были обрезать ее дивные шелковистые волосы, чтобы освободить ее из судорожно сжатых и окоченевших пальцев предшественника Фальера, — напрасно создают они сложные психологические загадки из дела банкира Реми, зарезанного своим мэтр-д'отелем («Все мы будем зарезаны своими лакеями!»), напрасно Рошфор инсинуирует о политических убийствах, ежедневно совершаемых жидами и фран-массонами, напрасно большие газеты с наступающим глухим сезоном рассылают по провинции своих предприимчивых хроникеров создавать для рекламы новые

* Кофе с молоком (фр.).

убийства: души́ть своих ненужных теток и отравлять старых учительниц, — все это лишь наполовину может захватить парижанина, если мораль преступления не скрсплена честным ударом гильотины.

Современные французы, слава богу, не какие-нибудь дикари, не древние римляне, которые могли наслаждаться гладиаторскими играми, им нужно не искусство для искусства, а строгий моральный урок, настоящая справедливость, черт побери!

Фальер играет опасную игру...

Париж